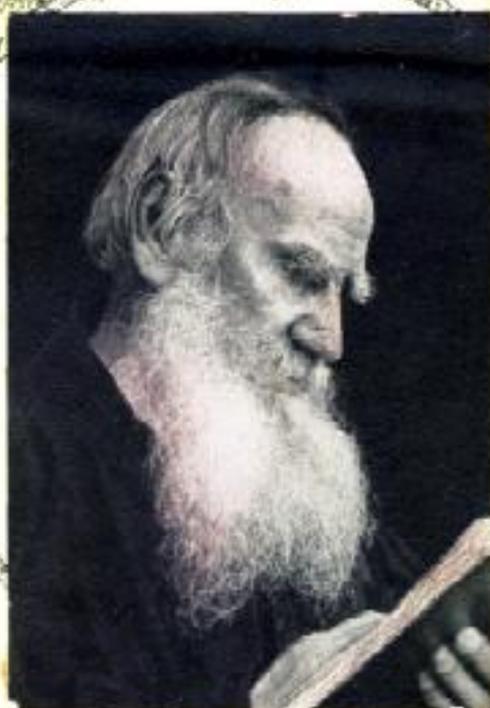




# РУССКІЕ МУЖИКИ

КАРТИНЫ  
ХУДОЖНИКА Н. ОРЛОВА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ  
Л. Н. ТОЛСТОГО



Л. Н. ТОЛСТОЙ.  
СЛ. ФОТОГ. В. ЧЕРТОВА (1899)

# РУССКІЕ МУЖИКИ

КАРТИНЫ  
ХУДОЖНИКА Н. ОРЛОВА

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ  
ЛЪВА НИКОЛАЕВИЧА  
ТОЛСТОГО

ИЗДАНИЕ  
Т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ  
Спб., Энгельсгородская, 11  
1909

Лев Николаевич Толстой

## ПРЕДИСЛОВИЕ К АЛЬБОМУ «РУССКИЕ МУЖИКИ» Н. ОРЛОВА

( Восстановлено по тексту

Полного собр. соч. Л. Н. Толстого в 90 тт. Том 37. С. 273 - 277.

Места, изъятые цензурой в издании 1909 г. Выделены **красным цветом.** )

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить;  
а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить».  
(Мф. X, 28.)

Прекрасное дело — издание альбома картин Орлова. Орлов мой любимый художник, а любимый он мой художник потому, что предмет его картин — мой любимый предмет. Предмет этот — это русский народ, — настоящий русский мужицкий народ, не тот народ, который побеждал Наполеона, завоёвывал и подчинял себе другие народы, не тот, который, к несчастью, так скоро научился делать и машины, и железные дороги, и революции, и парламенты со всеми возможными подразделениями партий и направлений, а тот смиренный, трудовой, христианский, кроткий, терпеливый народ, который вырастил и держит на своих плечах всё то, что теперь так мучает и старательно развращает его.

И любим-то мы с Орловым в этом народе одно и то же, любим в этом народе его мужицкую смиренную, терпеливую, просвещённую истинным христианством душу, которая обещает так много тем, кто умеет понимать её.

Во всех картинах Орлова я вижу эту душу, которая, как в ребёнке, носит ещё в себе все возможности и главную из них — возможность, миновав развращённость и извращённость цивилизации Запада, идти тем христианским путём, который один может вывести людей христианского мира из того заколдованного круга страданий, в котором они теперь, мучая себя, не переставая, кружатся.

Вот в курной избе на соломенной постели умирающая женщина. Смертная свеча вложена в её холодеющие руки, над нею с торжественным, покорным спокойствием стоит муж и подле него в одной рубашонке плачущая худенькая старшая дочка. Бабка успокаивает раскричавшегося в подвесной люльке новорождённого. Соседки гуторят у двери. Картина эта производит на меня одновременно чудесное, возвышающее впечатление умиленной жалости и, вместе с тем, как ни странно сказать, зависти к той святой бедности и отношению к ней, которые изображены в ней.

Такое же возвышающее впечатление сознания великой духовной силы народа, к которому имеешь счастье принадлежать, хоть не жизнью, а породой, производят на меня и другие две одного же характера, всегда глубоко трогающие меня картины: «Переселенцы» и «Возвращение солдата».

Не говоря уже о том, что картина отъезда переселенцев, прощающихся с остающимися, значительна по содержанию своему, в живых образах представляя нам всё то, что, **несмотря на все представляемые ему трудности и правительством и земельными владельцами**, совершает русский народ, заселяя и обрабатывая огромнейшие пространства, — картина эта особенно трогательна по лицам не одного только чудного старика на первом плане, но всех этих полных движения и жизни лиц как возбуждённых отъезжающих, так и недоумевающих остающихся.

Вторую же картину возвратившегося солдата я особенно люблю. Промаявшись года на чужбине, в тяжёлой, чуждой его душе солдатской службе, Пахом или Сидор, покорный сын, любящий муж, здоровый работник, дорвался, наконец, до свободы, до дому. И что же в доме? Ещё не доехав до дома, ему уже рассказали. Матрёна его без него прижила ребёнка.

И вот первое свидание: жена на коленях перед мужем, ребёнок-улика — тут же. Свекровь — бабьи счеты — подуськивает сына, поминая, как она говорила: смотри, Матрёна, придёт муж... Но старик, ещё полный того христианского духа милосердия, прощения и любви, которым жил и живёт ещё в своих лучших представителях русский народ, перебивает визгливую речь старухи и поминает о том, что прекращает все счеты, все обиды, все злобы, — поминает о Боге, и все счеты кончены и всё развязано.

Как ни больно сыну, как ни чувствует он себя оскорблённым, как ни хотелось бы ему выместить жене за свои стыд, он — сын Отца, и тот же дух Божий, дух милосердия, прощения, любви живёт в нём, и дух этот пробуждается, и он — в своём столь чуждом испытываемому им чувству солдатском мундире — махает рукой и испытывает умилённую радость прощения.

— Бог простит, вставай, Матрёна. Буде.

Так же важны и прекрасны и остальные шесть картин. Я отделил эти шесть картин от первых трёх только потому, что, кроме одинаковых черт, общих всем картинам, в этих представлены ещё в живых образах те соблазны, то развращение, с которыми приходится бороться христианской душе русского народа и с которыми она ещё борется и не поддаётся.

Картины эти особенно привлекательны именно тем, что выражают эту борьбу, не решая вопроса о том, на чьей стороне будет победа. Пойдёт ли весь народ по тому пути душевного и умственного разврата, на который зовёт его так называемая интеллигенция, желая сделать его подобным себе, или удержится на тех христианских основах, которыми он жил и в огромном большинстве живёт ещё по сих пор.

Картины этого рода, во-первых, та, где староста, придя в обед за податями к одинокому бедняку, только что пришедшему с работы, стоит над ним, дожидаясь ответа. Ответ даёт только старик, независимо от всяких соображений **о государственных** **необходимостях**, говоря о Боге и о грехе обирания трудящегося, еле-еле кормящего свою семью работника. Особенно трогательны на этой картине, кроме самого хозяина, покорно опустившего голову, хозяйка, стоящая над только что собранным столом, от которого их всех оторвали, и ребёнок, с недоумением и сочувствием смотрящий на разгорячившегося деда.

Таковы и остальные пять <sup>1</sup> картин этого разряда, изображающие борьбу добра со злом, в котором со стороны зла уже участвуют начинающие развращаться и вполне развращённые люди из народа.

Такова картина: «Недоимка», изображающая продажу у вдовы кормилицы детей — коровы. Богатый деревенский кулак покупает, старшина продает, писарь записывает.

---

<sup>1</sup> В подлиннике: четыре

Таковы же полная содержания картина изловления вдовы, кормящейся корчемством и тем нарушающей доход казны, и замечательная и по живописи, и по тонкости, и точности выражения мысли, и по верности типов — освящение монополии. Такова же отвратительная по содержанию картина телесного наказания.

Во всех этих картинах, кроме того верного изображения не попорченного ещё русского народа, которое составляет главное содержание всех картин, изображены представители и той части этого народа, которая, развратившись уже сама, ради своих выгод хочет развратить своих ещё не развращённых братьев. Староста, пришедший за податями к недоимочному крестьянину, ещё не потерял связи со своими братьями, и, очевидно, страдает за собрата и за своё участие в этом деле. Отъевшийся же старшина в картине, где уводят корову, уже совершенно спокойно исполняет свою жестокую обязанность; и, только заботясь о своей выгоде, покупает корову кулак. В картине изловления корчемницы и урядник, и старшина, и писарь, уже не смущаясь, делают своё дело и даже одобрительно смотрят на ловкость ряженого. Только старик, представитель души народа, нарушает это общее удовольствие своим смелым словом. В картине монополии, не говоря уже о толстом, огорчённом лишении своей торговли кабатчике, поразителен мужик, так явно лицемерно крестящийся на иконы, и тот оборванец, который несвоевременно лезет в дверь того заведения, которое довело его до его положения и так успешно развратило и развращает **ради барышей казны** большую часть народа.

То же и в картине телесного наказания. Все лица, кроме молящегося за грехи людей старика и недоумевающего перед жестокостью людей мальчика, уже доведены до того, что делают своё постыдное дело как что-то нужное и должное.

Последняя же картина, в себе одной выражающая всё то, что сказано в этих шести,<sup>1</sup> особенно и сильна и страшна тем, что самым простым и понятным способом изображает то, что лежит в основе того развращения, которому подвергается народ, и ту главную опасность, которая предстоит ему.

— **Ступай, ступай, Бог подаст, — говорит девушка, отказывая нищей, — видишь, батюшка тут.**

---

<sup>1</sup> В подлиннике: пяти

Да, это ужасная картина.

Сила народа в наибольшей истинности его религиозного, руководящего его поступками, понимания законов жизни. Я говорю «наиболее истинном» потому, что вполне истинного религиозного понимания законов жизни, как и вполне истинного понимания Бога, никогда не может быть у человека. Человек только всё больше и больше приближается к тому и другому.

И такое, наиболее, по нашему времени, истинное религиозное понимание жизни было и есть ещё у русского безграмотного, мудрого и святого мужицкого народа. И вот, с разных сторон, со стороны суда, податей, солдатства, винной отравы для государственного дохода, его окружают ужасными соблазнами и самым страшным из них — религиозным соблазном, вследствие которого церковь и её служители важнее милосердия, любви к брату.

Всё это изображено в картинах Орлова. И потому мне кажется, что я не напрасно люблю их.

Картины эти указывают нам на ту опасность, в которой находится теперь духовная жизнь русского народа.

А понять опасность там, где не видал её, уже шаг к избавлению от неё.

*26 июня 1908.*

\* \* \* \* \*

## КОММЕНТАРИЙ

**В** 1908 году т-во Голике и Вильборг, по предложению В. Г. Черткова, предприняло издание альбома фотографий с картин художника Н. В. Орлова. В. Г. Чертков обратился к Толстому с просьбой написать предисловие к изданию.

Судя по помете Н. Н. Гусева на обложке первой рукописи, Толстой, начал писать предисловие 23 июня 1908 г. В Дневнике 24 июня он записал: «Начал писать к альбому Орлова, может быть будет хорошо» (т. 56, стр. 36).

С 23 по 26 июня Толстой, набросав в черновом виде текст предисловия, дважды переработал его в копиях. Вторую, копию Толстой подписал и проставил в ней дату: «26 июня 1908».

Очевидно, вскоре работа над предисловием была закончена. Альбом Н. В. Орлова «Русские мужики» вместе с предисловием Толстого вышел из печати 29 декабря 1909 года. Предисловие было напечатано с большими цензурными пропусками.

В настоящем издании текст предисловия печатается по тексту, опубликованному в альбоме Н. В. Орлова. Цензурные пропуски восстанавливаются по рукописи № 5. Кроме того, исправляются по автографам опечатки и ошибки переписчиков.

# I

## УМИРАЮЩАЯ

*На соломенной постели лежит умирающая женщина со смертной свечой в руках. Над нею стоит, в покорном раздумьи, муж. Подле него плачет, понуря голову, старшая дочь. Бабка успокаивает новорождённого ребёнка в люльке. Возле – ревёт младшая дочка. Кумушки горюют.*



Умирающая

## II

# ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Уезжают старик, старуха и два их сына с детьми. Их пришли проводить родственники. Старик стоит один в глубоком раздумье. Сзади его старуха и её дочь, обнявшись, прощаются. Ещё позади их – остающийся тесть одного из уезжающих братьев читает внуку на прощанье наставление. Слева, впереди – тёща одного из братьев сидит на лавке, прижавши к себе уезжающих внуков. Справа братья-переселенцы убеждают своего зятя последовать за ними. «При чём тут жить-то? – говорят они – земли мало...»



Переселенцы

# III

## СО СЛУЖБЫ

**В**ернувшийся со службы солдат узнаёт, что без него жена его прижила ребёнка. Она становится на колени перед мужем и просит у него прощения. Незаконный сын жмётся к ней. Испугавшаяся законная дочь отошла к печке. Сердитая свекровь позорит бабу. Но старик свёкор отстраняет рукой старуху. Кругом – родственники и соседи. Солдат, сначала готовый вспылить, вспомнил о Боге и, махнувши на всё рукой, прощает свою бабу.



Со службы

## IV

### С РАБОТЫ

*Мужик* вернулся с отхожего промысла. Жена вскипятила чайку. Староста уже пришел за податями и кладёт в свой кошелёк последний заработок бедняка. Мужик, задумался. Испуганные дети прижались к отцу, Старик отец упрекает старосту в том, что не по-Божьи поступает.



С работы

# V

## НЕДОИМКА

У бедной вдовы продают за недоимку корову. Богатый деревенский кулак покупает. Старшина со старостой принимают деньги. Подручный накидывает петлю на коровёнку, которая беспомощно мычит. Баба плачет. Детишки испугались.



Недоимка

# VI

## ШИНКАРКА

**Б**едная вдова-шинкарка подала незнакомым посетителям водку. Они оказались ряженными. Становой, распахнув наряд, показывает свой мундир. Пойманная баба заплакала. Урядник в пальто, откинув тулуп, передаёт понятому протокол для подписи. Старик выходит, укоряя станового, который, обернувшись, кричит на него. За становым, стоит, призадумавшись, староста. Ему стыдно.



Шинкарка

# VII

## МОНОПОЛИЯ

Освящение кабака. Священник, отслужив молебен, обратился к присутствующим с речью. Пропившийся барин, будущий продавец, казённого вина, благодарит батюшку за пожелания. Барыня ему вторит. Отец диакон также желает всего хорошего. За барыней – урядник, за ним – старшина. Вправо от барина старик крестится на иконы. Ещё правее – ожиревший бывший кабатчик, над которым подтрунивают стоящие позади мужики. Слева в дверь слишком рано врывается пропойца. Его останавливает староста.



Монополия

# VIII

## ПОРКА

**В** глубине сарая два мужика держат лежащего осуждённого. Пороть поручили недорослому дурачку, который, предвкушая удовольствие, машет розгами. Вбежавший мальчик с ужасом смотрит, что будет. Старичок, крестясь, уходит из ворот. Впереди стоит старшина, Ему совестно, он отвернулся.



Порка

# IX

## «ХРИСТА РАДИ»

Священник, объезжая свой приход, чтобы собирать новый хлеб, входит, опылённый мукой, к бедному мужику. Баба насыпала ковш муки к нему в мешок. Вошли нищие. Девушка их отстраняет, говоря: «Ступайте, Бог подаст».



Христа ради

IX

**Ф**айл подготовил **Л**ьвёнокъ **Я**снополянскойй.

Специально для группы ВКонтакте

«**Д**уховное **Н**аследие **Л**ьва **Т**олстого»

18 декабря 2016 г.